

УДК 930.253(47-87)

DOI: 10.28995/2658-6541-2019-3-29-39

Русская эмиграция и сохранение национальной памяти

Ирина В. Сабенникова

*Всероссийский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела,
Москва, Россия, sabennikova@mail.ru*

Аннотация. Появление русских диаспор в ряде стран мира способствовало формированию обширного архивного наследия, изучение которого является одной из актуальнейших современных задач. Работа по его выявлению, возвращению в Россию и использованию заметно активизировалась в последние десятилетия, что связано с изменением политической ситуации, открытием для исследователей архивных фондов русской эмиграции. Актуальность данной фундаментальной научной проблемы усиливается тем, что на современном этапе развития российской истории стало необходимым ликвидировать все еще сохраняющуюся информационную брешь – выявить и свести в едином информационном банке данных информацию о документах русской эмиграции и местах их хранения в зарубежных архивах. Выявление современного местонахождения различных документов этой группы имеет также дальнейшей целью воссоздание целостности разрозненных архивных фондов как путем возвращения, обмена или копирования документов, так и объединения их в какой-либо виртуальной форме. Наличие возможно полной информации о документах, хранящихся в зарубежных архивах, библиотеках, музеях, частных коллекциях дает возможность воссоздать целостную историческую картину наиболее драматических периодов российской истории на основе восстановленной документальной базы.

Ключевые слова: архивы русской эмиграции, зарубежная архивная россика, архивные документы, история России, русское зарубежье.

Для цитирования: Сабенникова И.В. Русская эмиграция и сохранение национальной памяти // История и архивы. 2019. № 3. С. 29–39. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-3-29-39

The Russian emigration and preservation of national memory

Irina V. Sabennikova

*All-Russian Records Management and Archival Science Research Institute,
Moscow, Russia, sabennikova@mail.ru*

Abstract. The emergence of communities of Russian diaspora in several countries of the World caused the formation of extensive archival heritage. The study of this heritage is one the most topical contemporary problems. The activities related to revealing, restitution to Russia and use of this heritage significantly increased in the last decades. This is connected with the change of political situation, the availability of access of researchers to archival collections of Russian diaspora. The topicality of this fundamental research problem is being deepened by the necessity of elimination of existing information flaw during the contemporary period of Russian history – to reveal the information about the documents of Russian diaspora and their locations in foreign archives and compile it in the unified information data base. The revealing of contemporary location of different documents of this group has as a further aim the reconstruction of integrity of dispersed archival collections by the ways of restitution, exchange or copying of documents and also by the way of virtual unification, for example, in the form of digital archive. The availability of possibly complete information about documents which are kept in foreign archives, libraries, museums, private collections gives the opportunity to reconstruct on the revealed documentary base the comprehensive picture of the most tense periods of Russian history.

Keywords: Archives of Russian diaspora, Foreign archival Rossica, archival documents, history of Russia, Russian diaspora

For citation: Sabennikova IV. The Russian emigration and preservation of national memory. *History and archives*. 2019;3:29-39. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-3-29-39

Введение

Развитие и сохранение национальной культуры и традиции, их изучение невозможно без бережного сохранения исторической памяти, неотъемлемой частью которых является архивное наследие, включающее не только документы, хранящиеся в самой России, но и зарубежную архивную россику.

Системный охват проблематики русского зарубежья предполагает объяснение эмиграции как целостной части общества, мировой науки, фактора создания современной картины мира. В основу объяснения данного феномена нами положена теория и методология

когнитивной истории. Создатель этой фундаментальной философской концепции, О.М. Медушевская, ввела понятие информационной сферы человечества (информосферы), существование которой связано с генетически заложенной способностью человека добывать новое знание, создавать интеллектуальные продукты и передавать знания, т. е. осуществлять информационный обмен – как непосредственный, так и опосредованный (между группами людей, разделенными во времени или пространстве).

Эмиграция как часть информационной сферы общества

Различается три уровня информационного обмена, в котором существуют и функционируют индивид и общество, – экзистенциальный (сфера творчества, создания интеллектуального продукта); социальный (обмен социальными продуктами, «вещами»); и эпистемологический (целенаправленное привлечение информационного ресурса для использования общечеловеческого опыта при решении актуальных проблем). Последний, эпистемологический, уровень – определяет появление «информационной энергетики», т. е. активного стремления к пониманию мышления других людей через изготовленные ими произведения, неважно, создаваемые интуитивно или целенаправленно – как результат научного поиска. «Именно эта способность человеческого сознания перенимать опыт, – подчеркивает О.М. Медушевская, – обуславливает необычайную по историческим меркам быстроту накопления полезной информации, которая характерна для человеческих сообществ» [1 с. 147].

Эмиграция, во-первых, предстает как часть информационной сферы общества своего времени, расколотого по всем возможным социальным параметрам (культурному, демографическому, экономическому, географическому, поколенческому, статусному и проч.), но вместе с тем является вполне гомогенной частью этого общества, поскольку поддерживает единые ценности, коммуникации, каналы непосредственного и опосредованного информационного обмена. Последний фактор (опосредованный информационный обмен) – принципиально важен для преемственности, пространственной и поколенческой динамики эмиграции, которая существует столько, сколько длится способность понимать произведения и мысли основателей русской эмигрантской традиции.

Во-вторых, анализируемый нами феномен эмиграции как части человечества – демонстрирует функционирование всех трех уровней информационного обмена: экзистенциальный, социальный и эпистемологический. Первый (экзистенциальный) выражается

в направленных и неуклонно поддерживаемых усилиях интеллектуальной элиты по сохранению и воспроизводству способности к творческой деятельности в новой культурной среде (университеты, языковые курсы, воспроизводство традиций, знаков и символов старой России, поддержка научных и культурных школ, искусства и т. д.), в новых «интеллектуальных продуктах» – от издательской деятельности до создания произведений высокого интеллектуального уровня. Второй (социальный) выражается в поддержании коммуникаций по горизонтали и вертикали, передаче информации от старших поколений к младшим, что ведет к формированию особой эмигрантской интеллектуальной традиции. Важной частью этой работы являлось бережное собирание и сохранение архивов эмиграции (учреждений царской России и самой эмиграции, воинских подразделений, институтов, научных школ, общественных деятелей и частных лиц). Можно констатировать вполне осознанный и продуманный характер этой деятельности, выражающей не только дань так называемой исторической памяти, но и вполне осознанное стремление использовать этот информационный ресурс для решения актуальных проблем культурной идентификации, научного познания и политических задач. Именно этим объясняется «война за архивы» – как внутри эмиграции, так и за ее пределами. Третий (эпистемологический) уровень информационного обмена связан с реконструкцией смысла существования эмиграции во всемирной и российской истории – переосмыслением всего культурного, интеллектуального и политического наследия старой России в противовес тем культурным вызовам, которые представила новая, большевистская, Россия. Этот интеллектуальный поиск выражался прежде всего в переосмыслении философии и методологии истории, определении отношения к классическим традициям русской академической мысли, подчеркнутым вниманием к доказательности научных концепций (традиции правоведения, историографии, источниковедения), возможностей использования их выводов на новом, принципиально ином, фактическом материале.

Архивы – способ сохранения национальной памяти

Наиболее ценным источником характеристики русской эмиграции как исторического явления, несомненно, являются созданные ею архивы. Сохранение и собирание культурного наследия эмиграции, прежде всего ее архивов, характеризует именно российскую эмиграцию первой волны. Бывшие российские граждане, оказавшиеся в положении апатридов, создавали архивы и музеи, собирая в их

фондах уникальные для нас теперь свидетельства жизни «второй России». Создание специальных учреждений для сохранения памяти способствовало накоплению и концентрации в определенных местах массивов источников зарубежной архивной россики. Уже к концу 1930-х годов за пределами СССР было создано 10 архивов и 14 музеев, сформированных русской эмиграцией. Часть из них была создана на основе вывезенных из России коллекций материалов.

Начиная с 1923 г. происходила координация сбора, хранения и даже издания документов российских эмигрантов под руководством Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (Земгора) на основе созданного им Архива русской эмиграции (с 1924 г. – Русский заграничный исторический архив (РЗИА)). РЗИА осуществлял прием документов на хранение от многочисленных военных, политических и культурных организаций российской эмиграции, принимались документы и от отдельных представителей эмиграции. Поэтому документы РЗИА отражают весь спектр эмигрантской жизни – содержат сведения о деятельности политических и общественных организаций, средств массовой информации. В составе РЗИА имеются также личные фонды.

При руководстве РЗИА для ведения научной работы была создана комиссия экспертов, возглавляемая проф. А.А. Кизеветтером, в состав которой вошли известные профессора: В.А. Мякотин, Е.Ф. Шмурло и специалист по военной истории генерал В.В. Чернавин. В 1925 г. архив уже имел четырнадцать эмиссаров в крупнейших центрах русской эмиграции, среди которых первое место занимали Берлин, Париж, Белград, Прага и Харбин, где велась постоянная работа с целью приобретения документальных материалов, а также в других больших городах, где существовали русские диаспоры. Организовав столь широкую сеть эмиссаров, архив смог собрать уникальные коллекции периодических изданий русской эмиграции, выходивших во Владивостоке, Чите, Благовещенске, Харбине и к середине 1920-х гг. прекративших свое существование. В архив были переданы документы белых армий, беженских лагерей Турции и Египта, статистические материалы Беженского бюро, регистрирующего русских беженцев в 1920–1921 гг. в Константинополе, и других эмигрантских организаций [2 с. 290].

Задачи, стоящие перед РЗИА, определяли как направления его комплектования, так, соответственно, и структуру фондов архива, который целенаправленно приобретал не только эмигрантские документы, но и выходившие в разных эмигрантских диаспорах газеты, журналы, книги, в том числе и их рукописи, и проводил соответствующую научную экспертизу. Среди семи основных подразделений архива значился журнальный фонд, включавший 845 названий, газетный фонд – 930 названий, менее объемные фонды рукописей

и исторических материалов, иконографический и фонд денежных знаков [2 с. 198–199]. Отдельным подразделением архива являлась библиотека, состоящая из более шести с половиной тысяч наименований книг.

Форма управления эмигрантских архивов как общественных организаций эмиграции нашла наиболее четкое отражение в документах по передаче фондов РЗИА 31 марта 1928 г. под управление чехословацкому правительству. Договор о передаче содержал требование о сохранении основных принципов комплектования, хранения и использования документов российской эмиграции. Среди них наиболее важными с точки зрения организаторов архива были: сохранение целостности и недробимости фондов и коллекций архива; неотчуждаемость фондов и коллекций; сохранение за архивом автономии в ведении научно-архивного дела и права устанавливать порядок и условия научного пользования материалами; сохранение во главе архива коллегиальных органов с участием русской общественности и их обязательное согласие в случае переподчинения архива какой-либо иной организации; сохранение русского состава служащих архива. Особо в договоре о передаче было прописано, что архив сохраняет свои обязательства в отношении третьих лиц [2 с. 291]. В 1939 г. Архив оказался подконтролен Третьему рейху, а после завершения Второй мировой войны был вывезен в СССР органами НКВД.

Нашими соотечественниками в период между двумя мировыми войнами были также созданы Русский педагогический музей и архив, а также Русский музыкальный исторический музей в Париже, Музей лейб-гвардии Казачьего полка в Курбеуа, Музей русской конницы и Русская военная библиотека в Белграде, Русские архивы в Варне, Харбине, Безерте и в других местах проживания русской эмиграции. После Второй мировой войны русскими эмигрантами были созданы отдельные центры хранения документов и материалов, информация о которых отражена в книге «Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси» [3].

Архивы эмиграции как средство социализации и связи поколений

За период существования русской эмиграции менялась социальная функция эмигрантских архивов. Если в момент своего создания они выполняли в большей степени политические функции, то позже, особенно когда выросло новое поколение эмигрантов, и особенно после Второй мировой войны, породившей другую волну эмиграции из России, усиливается значение культурной

составляющей деятельности архивов, они становятся средством связи различных поколений эмиграции.

После Второй мировой войны значительное расширение социалистической политической системы породило повторную эмиграцию русских эмигрантов, живших в странах Восточной Европы и Китая. Они вынуждены были переселяться в США и отчасти в Австралию. Вместе с тем в ходе Второй мировой войны возникли так называемые перемещенные лица – Displaced Persons (дипи), которые пополнили ряды русской эмиграции. Позже в США активно эмигрировали участники последующих эмиграционных волн из России, что позволило именно здесь в период холодной войны создать наиболее репрезентативные по составу документов архивные хранилища, которые функционируют и в настоящее время.

Среди архивных потерь эмиграции П.Е. Ковалевский в статье «Русские культурные ценности за границей» перечисляет публичные библиотеки: русская библиотека в Белграде и Тургеневская библиотека в Париже, Герценовская библиотека в Ницце. Библиотеки эмигрантских организаций: Архива Земско-городского союза и Архива помощи русским воинам, призванным во Французскую армию в Париже, РЗИА в Праге, Рубакинская библиотека-архив в Лозанне, также частные собрания – проф. П.Н. Милюкова, Бунакова-Фундаминского, П.Л. Апостола и др. [4]. Общество охранения Российских культурных ценностей за рубежом, созданное сразу после Второй мировой войны в 1945 г., имело своей целью розыск наиболее ценных документов эмиграции, которые, за неимением самостоятельного центра хранения, передавались в Национальный архив Франции. Осознание того факта, что эмиграция оказалась лишенной собственных архивов, привело к тому, что началась работа по его созданию. Новым хранилищем документов российской эмиграции стал в 1948 г. Музей русской культуры, первоначально Музей-архив русской культуры при Русском центре в Сан-Франциско. Первым почетным председателем музея стал академик В.Н. Ипатьев. Среди учредителей – митрополит Феофил, профессора П.П. Гензель, П.А. Сорокин, Г.К. Гинс, инженер-изобретатель И.И. Сикорский, графиня А.Л. Толстая, композитор А.Т. Гречанинов, писатель Г.Д. Гребенщиков, основатель и первый председатель Русского исторического общества А.П. Фарафонов и другие [5].

Музей считал своей задачей распространение русской культуры среди американцев, прежде всего русского происхождения, а также собирание и хранение документов эмиграции, отражающих основные этапы переселения российских беженцев из Китая и Японии в 1920–1930-е гг. и в 1946–1956 гг.

В соответствии с источниками комплектования документы музея объединялись в несколько крупных групп: документы по русско-японской и Первой мировой войне; по русской революции и гражданской войне, главным образом на территории Сибири и Дальнего Востока; архивы эмигрантских организаций; личные архивы эмигрантов; документы Российской Духовной Миссии в Пекине; документы, КВЖД, материалы о жизни Романовых как после отречения Николая II, так и до революции.

Русское зарубежье, стремясь проанализировать и осмыслить свое место в мировой истории, оставить по себе память последующим поколениям русских людей, бережно сохраняло документы и материалы, освещающие как причины и процесс самой эмиграции после революции 1917 г., так и процесс адаптации эмиграции в странах ее проживания, в различной культурной среде и политических режимах. Архивы, созданные эмиграцией, сыграли значительную роль в обеспечении преемственности культурной традиции, прерванной революцией, гражданской войной и тоталитарным режимом.

Эмиграция и сохранение научной традиции

Важной объективной заслугой эмиграции является сохранение и развитие научных методов доказательного знания в условиях, когда они все более начинали оспариваться квазинаучными представлениями, основанными не на знании, но вере – идеологическими конструкциями ложного сознания, представленными двумя господствующими тоталитарными идеологиями коммунизма и фашизма. В поле зрения эмигрантской историографии находилась прежде всего Русская революция и проблематика реформ и их деятелей (Петра Великого, Екатерины Великой, Александра II), вся научная традиция Российской империи в лице крупнейших историков (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.И. Кареев, П.Н. Милюков, С.Ф. Платонов, М.К. Любавский, А.А. Шахматов) и правоведов (Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, А.Д. Градовский, В.И. Сергеевич, Л.И. Петражицкий, Ф.Ф. Кокошкин).

Именно эмиграции мы обязаны воспроизводством классической академической школы методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского, коллеги, последователи и знаменитые ученики которого сформулировали ряд основополагающих научных парадигм XX в. в естествознании (В.И. Вернадский), социологии (П.А. Сорокин), экономике (Н.Д. Кондратьев). В рамках этого направления создавались фундаментальные труды в области правоведения (П.И. Новгородцев), социологии (П.А. Сорокин), языкознания (Р. Якобсон),

истории средневековья (И.М. Гревс), антиковедения (М.И. Ростовцев), имагологии (Н.П. Кандаков), не считая значительного числа других направлений (филология, кодикология, вспомогательные исторические дисциплины).

Особого внимания заслуживает вклад эмиграции в развитие исторической науки и источниковедения – это была именно та область знаний, где наиболее жестко и четко представлен конфликт научного знания и мифологии. В трудах историков эмиграции (И.М. Гревс, П.Н. Милюков, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин, А.А. Кизеветтер, М.И. Ростовцев) прослеживается преемственность научной традиции – концепций, школ и методов исследования. В чем состояла особенность этой традиции? В ней выделяется «три важнейших компонента: идея мирового целого и представление о любом обществе или народе как части целого; идея познания одушевленности другого как принципа гуманитарного познания; идея исторического источника и его роли в человеческом общежитии». Влияние этих основополагающих принципов методологии А.С. Лаппо-Данилевского прослеживается в деятельности ученых-эмигрантов, которые оказались в силу обстоятельств в иной профессиональной среде (напр., Г.В. Вернадский, П.А. Сорокин, Л.П. Карсавин), но воспроизвели в ней традиции теоретических исследований и университетского преподавания российской классической школы. Это была, по четкому определению О.М. Медушевской, «антропологически ориентированная концепция гуманитарного знания», ядро которой составляло теоретическое и сравнительное источниковедение – доказательная реконструкция прошлого на основании источников как целенаправленно создаваемых продуктов человеческой деятельности. Общим было и понимание того, что наиболее информативную часть источниковедческой основы составляет мировое документальное наследие, которое составляет предмет профессионального внимания архивистов.

Становление историографии и архивов эмиграции было тесно связано с развитием ее гуманитарной мысли: осознание истории человечества как единого процесса во времени и пространстве рассматривалось в качестве главного объекта исторического познания. Ввиду того что российские гуманитарии разных поколений после революции 1917 г. оказались разобщены, главной задачей выступало сохранение архивов революции и их критическое изучение. Для решения этой задачи (передачи опыта новым поколениям) принципиальным являлось наличие концептуального видения проблемы и возможность ее реализации в процессе преподавания. Эта задача была успешно решена эмиграцией. Когда эти два обстоятельства сошлись воедино, сначала в эмиграции, а затем и в советской историографии (начиная с периода «оттепели» в середине 50-х гг.

XX в.), эти идеи начали постепенно проникать в монолит советской идеологизированной историографии, стали основой возрождения подлинного научного знания. Это позволило сохранить основы русской академической традиции XX в., завершившейся в постсоветский период созданием фундаментальной теории и методологии когнитивной истории как магистрального направления современной российской научной мысли.

Заключение

Архивы русской эмиграции, возникшие в результате осмысления постреволюционной эмиграцией своего места в мировой истории, ее внутренней потребности в поддержании и развитии в условиях эмиграции русской культуры, которая, по их мнению, была уничтожена в СССР, сохранили для современных российских граждан национальную память, позволяющую видеть историю России двадцатого века как целостный исторический процесс [6].

Литература

1. *Медушевская О.М.* Собр. соч.: В 4 т. / Под общ. ред. А.Н. Медушевского. Т. 1. Философия истории и теория исторического познания. Москва; Берлин: Direct-Media, 2017. 821 с.
2. *Сабенникова И.В.* Русская эмиграция (1917–1939): Сравнительно-типологическое исследование. 2-е изд. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 551 с.
3. Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. Сан-Франциско: Музей русской культуры, 1966. 125 с.
4. *Ковалевский П.Е.* Русские культурные ценности за границей // Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. Сан-Франциско: Музей русской культуры, 1966. С. 78–85.
5. Бюллетень Музея русской культуры в Сан-Франциско. Наше пятидесятилетие // Россияне в Азии: Литературно-исторический ежегодник / Под ред. О. Бакич. Toronto: Центр по изучению России и Восточной Европы. 1998. № 5. С. 261–274.
6. *Сабенникова И.В., Гентшке В.Л., Ловцов А.С.* Архивные материка Российского Зарубежья: Тенденции и направления изучения; аннотированный указатель. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 427 с.

References

1. Medushevskaya O.M. Collected works in 4 volumes. Vol. 1. The Philosophy of history and theory of historical knowledge. Under the General editorship of AN. Medushevsky. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2017. Vol. 1. 800 p. (In Russ.)

2. Sabennikova IV. Russian emigration (1917–1939): comparative-typological study. Moscow; Berlin, 2015. 551 p. (In Russ.)
3. Storage of monuments of culture and history of Foreign Russia. San Francisco: Muzei russkoi kul'tury Publ.; 1966. 125 p. (In Russ.)
4. Kovalevskii PE. Russian cultural values abroad. *Storage of monuments of culture and history of Foreign Russia*. San Francisco: Muzei russkoi kul'tury Publ.; 1966. P. 78-85. (In Russ.)
5. Bulletin of the Museum of Russian culture in San Francisco. Our fiftieth anniversary. *Russians in Asia: Literary and historical Yearbook*. Ed. by O. Bakich. Toronto: Tsentr po izucheniyu Rossii i Vostochnoi Evropy Publ.; 1998. № 5. P. 261–274. (In Russ.)
6. Sabennikova IV., Gentshke VL., Lovtsov AS. Archival Continents of Russian Diaspora. Trends and Directions of Research; Annotated Index. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ.; 2015. 428 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Ирина В. Сабенникова, доктор исторических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), Москва, Россия; 117393, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 82; sabennikova@mail.ru

Information about the author:

Irina V. Sabennikova; Dr. of Sci. (History), All-Russian Records Management and Archival Science Research Institute (VNIIDAD), Moscow, Russia; bld. 82, Profsoyuznaya str., Moscow, Russia, 117393; sabennikova@mail.ru